НОЧЬ МЩЕНІЯ,

Соч. Петра Маiкова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1829 года.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА
U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

НОЧЬ

МЩЕНІЯ,

Соч. Петра Машкова.

Писано въ 1828 году.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

1829 года.

Печатать позволено:

Санктпетербургъ, 17 Октября 1829 года.

Цензоръ *П. Гаевскій.*

Опять гость тайный, ты со мною,
О Геній творческой мечты!
Опять, забвенныя душою,
Дней давнихъ думы будишь ты!
Пѣстунъ отъ юной колыбели!
Хранитель тайный дѣтскихъ дней!
Не ты ль, въ залогъ души моей,
Оставилъ звукъ своей свирѣли?
Не ты ль, порою утѣшалъ
Меня какъ другъ, во дни печали?
Когда надежды отлетали,
Меня съ судьбою примирялъ
Я твой узналъ привѣтъ бывалой!
Дивно — онъ сердце не ласкалъ;
И я на лонѣ скуки вялой,
Богиню пѣсней забывалъ:
Въ страну боговъ, очарованья,
Мой духъ унылый не парилъ,
И былъ душѣ поэта — милъ
Удѣлъ беззавистный незнанья.
Я бѣгалъ шумной суеты!
Молвой косарною забвенный,

Свои пустынныя мечты
Природѣ пѣлъ уединенный;
Глупцамъ — молчаньемъ отвѣчалъ,
Я пренебрегъ ихъ судъ презрѣнной . . . . .
И въ слѣдъ за славой окриленной
Своей мечты не устремлялъ.
Что слава? — Звукъ молвы, гулъ свѣта,
Невѣжей судъ — ученыхъ споръ,
Презрѣнной зависти — укоръ!
За гробомъ, озаритъ поэта,
Она, безсмертія лучемъ,
И геній мрачный и унылой,
Возсядетъ надъ его могилой
Укажетъ миру надъ холмомъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Печаленъ взору, дикій видъ
Готфильдіона стѣнъ угрюмыхъ, (*)
Жилища грустнаго безумныхъ;
Онъ взоры путника мрачитъ,
Онъ страшно съ сердцемъ говоритъ,
Печалитъ робкое мечтанье.
Тамъ часто бури завыванье
Въ ущельяхъ свищетъ вѣтхихъ стѣнъ —
Поросшихъ мхомъ, надъ ихъ углами,
Три башни съ острыми зубцами,
Завѣтъ — таинственныхъ временъ!
Ворота съ надписью святою,
Съ позолоченою рѣзбою,
Развалинъ рядъ, безумныхъ домъ—
Неумолкаемые въ немъ,
Ихъ чудный говоръ, дикій хохотъ,
То стонъ, то таинственный шопотъ;

(*) Замокъ Готфильдіонъ, или, обитель Св. Іакова, нынѣ служитъ больницею для безумныхъ.

Какъ на кладбищѣ хоръ тѣней;
Они въ тиши нѣмыхъ ночей
Въ огромныхъ переходахъ бродятъ
И рѣчи чудныя заводятъ,
Внимаютъ..... нѣтъ.... къ чему то знать?
Они участія не просятъ
И на челѣ угрюмомъ носятъ
Безумства тайную печать.
Ихъ стонъ—не грусть, ихъ смѣхъ — не радость!
Видъ блѣдный, тусклый блескъ очей;
Тамъ стонетъ старость долгихъ дней,
Тамъ вянетъ горестная младость.

Дика окрестность. Лѣсъ дремучій
Вдали чернѣетъ грозной тучей,
Пещеръ гряда, сосновый боръ,
Въ сѣдой дали цѣпь грозныхъ горъ,
Кой гдѣ, семья дубовъ унылыхъ,
Жильцовъ пустыни молчаливыхъ;
Плющь дикій вьется, и видны
Гробницы темной старины.

На западъ башня, — мохъ сѣдой
Главу зубчатую вѣнчаетъ,
И тщетно, тяжкою рукой
Ту башню время потрясаетъ.

Тверда — какъ хладныхъ нѣдръ металлъ.
Для ней временъ ничтожны кары,
Не разъ надъ нею обрушалъ
Громъ смертоносные удары.
Не разъ, пожаровъ дымъ густой
Изъ оконъ узкихъ вверхъ клубился,
И богъ временъ надъ башней той,
Святымъ хранителемъ носился.

Вѣковъ свидѣтель уцѣлелъ!
Онъ душу въ горесть погружаетъ,
Когда пустыни царь орелъ,
На немъ жертвъ слабыхъ раздираетъ,
И съ дикимъ крикомъ обагряетъ
Ихъ кровью памятникъ временъ.
Въ той башнѣ — жизни бурной сонъ
Страдальца быстро угасаетъ
Въ тревожныхъ думахъ, въ забытьи,
И тщетно хитрость проникаетъ
Въ туманъ таинственной судьбы.
Объ немъ различное гаданье.
Уже пять лѣтъ, гласитъ преданье,
Безумный въ башнѣ заключенъ,
Онъ въ ней на вѣчно погребенъ;
Пять лѣтъ — безумья длятся муки,
Грудь душитъ тамъ тлетворный хладъ,

И гложетъ тощія цѣпь руки;
Въ душѣ все бѣшенство, весь адъ!
Видъ блѣдный, борода густая,
Бразды печалей на челѣ,
Какъ ада духъ — въ полночной мглѣ
Цѣпями страшно потрясая,
Онъ дико въ бѣшенствѣ кричитъ,
Кому-то смертью онъ грозитъ,
Сверкаетъ грозными очами;
То вдругъ, дрожащими руками
Съ груди своей одежду рветъ,
И укоряетъ и клянетъ.

Ужасенъ жребій роковой
Страдальца въ тягостномъ томленьи!
Онъ брошенъ всѣми, онъ въ забвеньи
Влачитъ дни долгіе съ тоской.
Его обители ужасной
Еще ни кто не посѣщалъ,
Ни кто у вратъ не вопрошалъ:
«Не здѣсь ли кроется несчастный?
Быть можетъ, въ мірѣ сиротой
Онъ брелъ терновою стезей,
Съ безмолвной горестью свыкался
Въ чужой семьѣ, отъ дѣтскихъ лѣтъ,
И одинокого чуждался

Страдальца ласковый привѣтъ!
Иль палъ онъ жертвой неизбѣжной
Коварства тайнаго людей,
И грозный рядъ грядущихъ дней
Привелъ къ болѣзни безнадежной.
Кто знаетъ то — но тяжко онъ
И день и ночь въ душѣ страдаетъ,
И дикій крикъ его, смущаетъ,
Угрюмыхъ стѣнъ печальный сонъ.

Всегда одинъ, душою чуждый
Онъ состраданья и заботъ,
Луна ль, денница ли блеснетъ,
Къ природѣ сердцемъ равнодушный
Лучь непривѣтствуетъ златой
Онъ ни улыбкой, ни слезой;
Не знаетъ сладостныхъ желаній,
Младыхъ тревожныхъ упованій,
Нeждетъ ни друга, ни родныхъ,
Небиться сердцу вѣкъ для нихъ!
Одинъ онъ плѣнъ свой переноситъ,
И дикъ и не другъ всѣхъ людей,
Не можетъ слышать ихъ рѣчей,
Ихъ кроткой жалости не проситъ;
Ихъ ласку — хладною душой,
Какъ ядъ, страдалецъ отвергаетъ,

Ихъ слезъ, ихъ вздоховъ, не желаетъ:
Они коварны, знаетъ онъ;
Ужасны сердцу. — Вздохъ ихъ, чувство,
Одно холодное искуство,
Языкъ ихъ лестью зараженъ.

Но иногда, безъ словъ, печальный,
Внимаетъ звуку онъ цѣпей,
Не сводитъ глазъ съ руки — на ней
Свѣтлѣетъ перстень обручальный,
Тогда — какой-то давній сонъ
Въ мечтахъ несвязныхъ видитъ онъ,
Душѣ знакомое видѣнье:
Какъ горній ангелъ-примиренья,
Младая дѣва передъ нимъ
Съ привѣтомъ на устахъ святымъ.

То видитъ лѣсъ — тамъ сѣнь густая
Едва осеребрена луной,
Все спитъ окрестъ, благоухая
Цвѣтетъ кустъ розъ въ тиши ночной;
Чуть, чуть, журчитъ ручей зеркальный,
Умолкъ прекрасный соловей,
И слышенъ тихій звукъ рѣчей
Любви младой, любви печальной,

И та же дѣва; но она
Любви преступной предана!

Безумный вздрогнетъ — снова страшенъ,
Въ душѣ вновь буря, вихрь страстей,
И дикій звукъ его рѣчей
Какъ гласъ пророка-зла ужасенъ!
Чело вдругъ блѣдность обольетъ,
Грудь тяжко дышетъ, дыбомъ волосъ,
Въ очахъ безумья огнь блеститъ,
И съ грохотомъ цѣпей сольетъ
Онъ, устъ дрожащихъ, дикій голосъ.

Туманъ въ поляхъ — съ небесъ потухшихъ
Слетаетъ ночь на крыльяхъ сна,
Окрестность робкая мрачна,
Безмолвье на горахъ уснувшихъ;
Чуть шепчетъ боръ, лѣсъ черный спитъ,
Протяжно полночь мѣдь звѣнитъ,
И на забвенныя гробницы,
Пещеръ покинувъ мракъ сырой,
Слетаютъ хищныхъ вранъ станицы,
Какъ дѣти ночи, — крикъ глухой
Несетъ далеко вѣтръ ночной.

Зажглись и звѣзды, мракъ рѣдѣетъ,
Свѣжей съ полей прохлада вѣетъ,

И вотъ — восходитъ изъ за горъ
Богиня тайнаго мечтанья,
Символъ таинственный гаданья,
Злодѣйства скрытаго укоръ,
Луна — во кругъ нее сіяетъ
Ефирныхъ ризъ вѣнецъ златой,
И геній съ творческой мечтой
Въ ея лучахъ на міръ слетаетъ:
Для сердца грустнаго мила
Задумчивость ея чела.

Таясь за душными стѣнами
Въ угрюмой башнѣ, предъ окномъ,
Безумный съ тусклыми мечтами
Стоялъ въ безмолвіи нѣмомъ.
Давно природа не плѣняла
Взоръ равнодушный ко всему,
Давно, давно, она ему
Больное сердце лишь стѣсняла.
Теперь — какъ будто кто шепнулъ
Его душѣ привѣтъ неясной,
Какъ будто, кто къ устамъ прильнулъ
Вдохнулъ надежды лучь прекрасной,
Страдальца къ міру призывалъ:
Ужъ сердце билось — онъ дрожалъ,
Какъ передъ казней преступленье.

О чемъ тревожное волненье?
Кого тоска души зоветъ?
По комъ онъ молча слезы льетъ
На хладныя свои оковы?
Его душѣ тѣ чувства новы!
Страдалецъ долго ихъ не зналъ.
Чье имя тихо прошепталъ?
Къ чему сей вздрогъ, слеза, смятенье,
Глубокій вздохъ, души волненье?
Чего взоръ ищетъ въ небесахъ?
Тамъ много звѣздъ — одна милѣе,
Горитъ ихъ лучше и свѣтлѣе,
Прекрасенъ блескъ въ ея лучахъ!
Какъ давній другъ, ее онъ знаетъ,
Природу сердце понимаетъ,
Онъ что-то вспомнилъ, онъ рыдалъ,
Онъ къ небу руки простиралъ.
Казалось, тайное моленье
Уста шептали; — утѣшенье —
Слетало съ горнихъ странъ въ лучахъ,
Его прочелъ онъ въ небесахъ;
За ними — есть предѣлъ печали,
За ними — дышетъ міръ другой,
То несчастливцу край родной;
Туда — понятно призывали
Его, природы тишиной,

Въ ночи таинственной луной.
И видитъ узникъ одинокой,
Озарены съ выши луной
Идутъ извивною дорогой
Съ подругой путникъ молодой;
Чело лилейное вѣнчаетъ
Букетъ изъ розъ — залогъ драгой.
И чистый огнь любви святой
Ея ланиты озаряетъ.
И долго шли рука съ рукой
Они, съ задумчивою думой,
И передъ башнею угрюмой
Запѣли пѣснь въ тиши ночной.

Путникъ.

Мила луна на небесахъ,
Печальный гость ночей!
Но сердцу въ сладостныхъ мечтахъ
Твой милый взоръ милѣй!
Когда душа лишь въ сладкомъ снѣ
Знавала образъ твой,
Какъ было мило въ тишинѣ
Бесѣдовать съ луной!
Далекъ тебя — я жилъ тобой,
Ты зрѣлась мнѣ въ мечтахъ;

Воздушной тѣнью предо мной
Парила въ небесахъ.
Не вздохъ ли твой, мнѣ навѣвалъ
Другъ алыхъ розъ зефиръ?
И не тебя ли рисовалъ
Очарованной міръ?

Путница.

Въ безпечныхъ дняхъ весны своей
Весельемъ я цвѣла,
Природѣ другъ, среди полей
Твердила: „жизнь мила!
Ручей зеркальный мнѣ шепталъ
О счастіи земномъ,
И міръ предъ мною разцвѣталъ
Прекраснѣйшимъ цвѣткомъ.
Но ты явился, — мраченъ сталъ
Въ разлукѣ міръ земной,
Ручей не радость мнѣ журчалъ,
Грустила я душой.
Съ тобою вмѣстѣ, соловей
Пріятнѣе поетъ;
Съ тобою другъ души моей
Прекраснѣй жизнь цвѣтетъ.

Вмѣстѣ.

Печаленъ міръ — коль сердце въ немъ
Безъ друга, безъ любви,
Когда ему въ себѣ одномъ
Знать горестныя дни!
Когда ни кто не раздѣлитъ
Печали робкій гласъ,
Когда ни кто не усладитъ
Послѣдній жизни часъ!

Что пробудилъ печальный звукъ
Въ душѣ страдальца омраченной?
Бушуетъ въ ней рой новыхъ мукъ!
Какой-то огнь въ груди стѣсненной
Ее болѣзненно палитъ:
Угасшій духъ, опять горитъ,
Душа свободы снова жаждетъ,
Ей душны стѣны — тѣло страждетъ
Въ оковахъ долгаго стыда.
Они исчезнули — года
Неволи тяжкой, заключенья!
Предъ нимъ нестройною толпой
Мелькаютъ дней былыхъ видѣнья.
На дверь онъ бросилъ взоръ нѣмой,

Душа страдальца оживилась!
Ужъ ломитъ мощная рука
Упорность вѣрнаго замка,
Ударъ, другой; и — дверь сломилась.
Онъ на свободѣ — жадно пьетъ
Страдальца грудь прохладу ночи,
Куда стремятся тусклы очи?
Что вдаль потухшую зоветъ?
То знаетъ сердце. Въ лѣсъ дремучій,
Побрелъ онъ грозный и могучій,
Водимъ неясною мечтой:
Какъ призракъ страшный. Въ мглѣ ночной
Исчезнулъ, звукъ цѣпей далекой
Порою вѣтеръ разносилъ;
И мѣсяцъ блѣдный серебрилъ
Вершину башни одинокой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Шалашъ. Сквозь стекла, мѣсяцъ ясный
Разсѣявъ ночи черной мглу,
Рисуетъ тѣни на полу;
Товій унылый и безгласный
Сидитъ задумчивъ у окна;
Съ нимъ Эмма юныхъ дней подруга,
Печальный взоръ склонивъ на друга,
Поетъ тоску свою она.

Другъ младой! въ часъ ночной,
Когда блѣдной луной
Серебрится туманный ручей:
Когда робко спитъ міръ,
Когда тихій зефиръ
Вѣетъ розой съ душистыхъ полей:
Когда въ грустныхъ мечтахъ,
На крутыхъ берегахъ,
Пѣснь любви поетъ бардъ молодой.
Спи тогда! сонъ твой, другъ,

Пусть хранитъ мирный духъ!
Не ходи на свиданье со мной.

Другъ младой! въ часъ ночной,
Когда валъ надъ рѣкой,
Въ мракѣ ночи, змѣей зашипитъ:
Не златою луной,
Но кровавой грозой
Сводъ небесный богъ-бурь освѣтитъ.
Страшно боръ зашумитъ,
Черный вранъ прокричитъ
Надъ ужасною бездной бреговъ:
И пробудитъ твой сонъ
Скрипъ дубовъ, бури стонъ,
Дальній шопотъ дремучихъ лѣсовъ.
Поспѣши, скрыта мглой
На свиданье со мной,
Я маякъ на скалахъ засвѣчу.
И при громахъ ночныхъ,
Я въ объятьяхъ твоихъ,
Любви мрачной — привѣтъ прошепчу.
Другъ младой! въ часъ ночной,
Намъ не страшны съ тобой,
Вѣтровъ свистъ — блѣдны тѣни въ лѣсахъ!
Для преступной любви,
Тамъ отрадны они;
Тамъ, любви огнь — живѣе въ очахъ.

Товій.

Умолкни. Тяжко сердцу пѣнье!
Оно тоску родитъ въ груди;
Въ душѣ тревожной не буди
Давно минувшее мгновенье.

Эмма.

Какъ рано, чуждъ ты, съ давнихъ дней,
Моихъ и пѣсенъ и рѣчей!
Какъ рано ты позналъ страданье!
Восторги, прежнее желанье,
Въ душѣ холодной угасилъ;
На сердцѣ Эмму разлюбилъ!
Ужель одно воспоминанье
Удѣлъ мой будетъ въ жизни сей,
И сердца тяжкое страданье
Замѣнитъ — сладость юныхъ дней?
Я не мила! — Какая радость
Утѣшитъ горестную младость?
Что жизнь — когда передъ тобой,
Мнѣ вянуть чуждой сиротой
Безъ состраданья, безъ вниманья?
Когда на ласковый привѣтъ,
На тихій вздохъ, одинъ отвѣтъ —
Твое холодное молчанье!

Не я ль, старалась упреждать
Нѣмой твой взглядъ, твое желанье?
И не одно ль твое лобзанье
Могло все грусти разогнать?
Не я ли, сонъ твой безмятежный
Въ ночи тревожно берегла? —
Но я забыта! — Не мила!
Ты все грустишъ — ты безутѣшный!
Но нѣтъ! Ты любишъ! испытать —
Желаешъ сердце Эммы страстной!
Позволь обманъ душѣ питать!
Принудь себя — притворствомъ, лаской,
Мой духъ унылый оживи!
Молю! — продли мое забвенье;
Мнѣ возврати восторгъ любви
На часъ, минуту, на мгновенье!

Товій.

Оставь меня въ тоскѣ моей!
Укоръ твой грудь мою тревожитъ;
Твоя заботливость не можетъ
Мнѣ возвратить минувшихъ дней.
Тѣхъ дней — когда восторговъ сладость,
Мечта — небесъ эфирный сынъ,
Мою не опытную младость

Живили пламенемъ святымъ.
Теперь, я съ чувствомъ непонятнымъ,
Все вижу мрачнымъ, безотраднымъ;
Все сердце грустное тягчитъ:
О немъ все молча говоритъ . . . . . .

Эмма.

Забудь . . . .

Товій.

Не этой ли рукою
Его повергъ я въ бездну бѣдъ?
Не я ль, коварною душою
Разсторгъ любви святой обѣтъ?
Презрѣньемъ, мстилъ онъ вѣроломнымъ!
И одинокимъ и бездомнымъ
Побрелъ въ дремучіе лѣса!
Тамъ кровъ страдальца — небеса!
Его стонъ вѣтръ ночный разноситъ,
Тамъ грозный рокъ онъ переноситъ,
Безъ состраданья, сиротой;
Кропитъ тамъ землю онъ слезой.
Ему ли міръ — вертепъ страданій!
Его печальная весна,
Какъ осень бурная мрачна;
Безъ утѣшенья, безъ желаній.
Еще гремитъ въ моихъ ушахъ

Его проклятье, въ слѣдъ за мною
Оно вездѣ! оно съ тобою!
Оно въ подзвѣздныхъ небесахъ!

Эмма.

Къ чему тревожное мечтанье?
Спокой души своей страданье!
Быть можетъ, онъ ужъ не земной:
Въ гробахъ забвенье и покой.

Товій.

Все погубивъ въ земномъ желанья,
Конечно одинокой онъ
Несенъ цѣпь тяжкаго страданья,
Съ судьбою смертью примиренъ.
Познай же тайну — грудь іомила
Мою пять лѣтъ уже она,
То вѣроломствъ моихъ вина!
Она съ покоемъ раздружила
Мою преступную главу!
Пять лѣтъ, во снѣ и на яву
Мнѣ все онъ видится *ужасный*;
Какъ ангелъ-мраковъ, мститель страшный,
Небеснымъ мщеніемъ грозитъ.
Вотъ сряду три ночи, страшитъ

Меня предъ утромъ сновидѣнье:
Онъ зрится въ рубищѣ, въ цѣпяхъ;
Какъ гробовое привидѣнье.
Глава безъ власъ, въ его рукахъ
Свѣтильникъ фурій пламенѣетъ,
Могилы блѣдность на челѣ,
Глаза какъ двѣ звѣзды во мглѣ,
Дыханье хладомъ мертвымъ вѣетъ.
На костяной рукѣ блеститъ
Твой тускло перстень обручальный.
И страшно рѣчь его гремитъ,
Какъ грохотъ грома въ дебри дальной.

„ Злодѣй! не это ли чело
Красою нѣкогда цвѣло?
Оно поблекло отъ мученій
Въ груди пылающей моей;
Въ ней вихрь, въ ней огнь еще страстей
И неусыпныхъ изступленій.
Власы, темницы хладъ сырой,
Исторгнулъ ѣдкими годами,
Когда ты поцѣлуй ночной
Впивалъ преступными устами!
О чемъ безмолвно говорятъ
Сіи оковы — лѣтъ угрозы?

На нихъ, страдальца кровь и слезы,
Кого безмолвныя винятъ?“

Мечты любви, души невинной,
Огонь и чистый и взаимной,
Небесные! любви моей
Вы не ссудили ясныхъ дней!
Судьбы ужасной и мятежной,
Я гасну жертвой неизбѣжной,
Въ груди тоска какъ тяжкій грузъ.
Печаленъ нашъ любви союзъ!
Унылъ такъ слѣдъ опустошенья.
Во храмѣ ль мирнаго моленья
Обѣтъ Творцемъ услышенъ былъ?
Его богъ-мраковъ заключилъ.
Какія радости въ лобзаньяхъ,
Когда на совѣсти скрыжаляхъ
Укоръ чертитъ — Творца рука:
Когда ночей густая мгла
Былыхъ дней шепчетъ преступленье,
Въ порывахъ вѣтра слышенъ стонъ,
И на зарѣ мгновенный сонъ
Тревожитъ страшное видѣнье?
Тогда, что жизнь мятежныхъ дней?
Обитель страха и тѣней!
Гробъ тѣхъ погибшихъ наслажденій,

Когда, сердецъ невинныхъ геній,
Лилъ въ душу блескъ своихъ лучей!
Подъ небомъ осени ненастной
Въ долинахъ роза не цвѣтетъ,
Въ душѣ преступника ужасной,
Святое счастье не живетъ.

Эмма.

Минута пылкихъ упоеній!
Не долго Эмма знала васъ:
Блеснулъ зарницей сладкій часъ
Моихъ восторговъ, наслажденій.
Твоихъ достойна я укоръ!
Я въ клятвѣ богу измѣнила,
Я на тебѣ, остановила
Со вздохомъ свой преступный взоръ.
Моя душа тобой дышала,
Я тщетно тайну скрыть желала!
Желала — сердце обмануть;
Открылъ къ любви ты тайный путь.
Смятенье, робость милой встрѣчи,
Восторговъ сладостныя рѣчи,
Языкъ таинственный очей,
Сказали все душѣ твоей.
«Онъ будетъ вѣренъ; сердце льстило,

Оцѣнитъ жаръ любви моей.“
На дальный рядъ грядущихъ дней,
Оно же радости сулило.
Къ чему тѣ милые часы
Мнѣ пережить судьба ссудила?
Къ чему въ объятіяхъ любви
Она мой духъ не угасила?

Она умолкла. Мрачно онъ
Хранилъ безмолвное молчанье,
И ихъ угрюмое мечтанье
Прервалъ полночный мѣди стонъ.

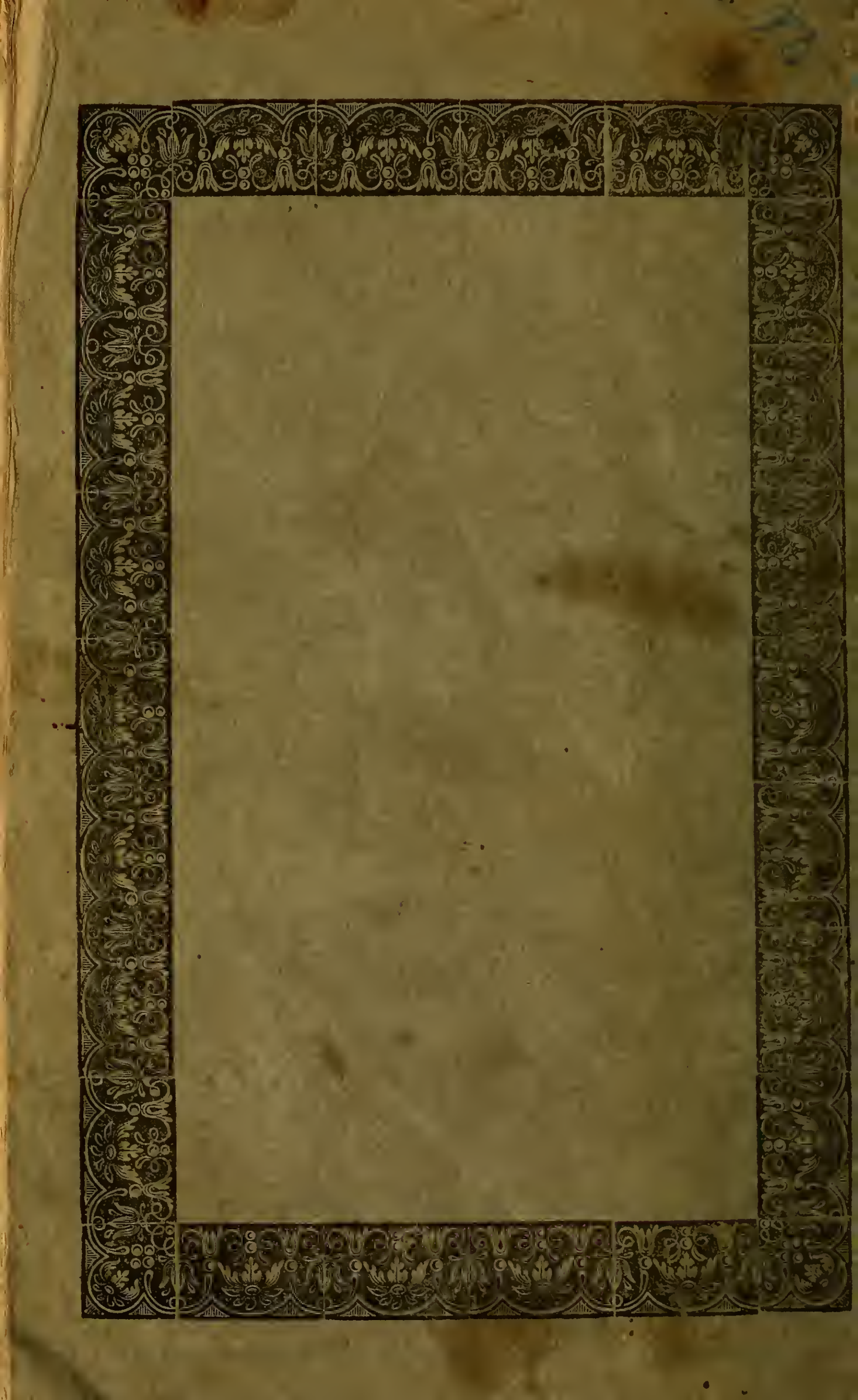
Блеснуло утро молодое
На берюзовыхъ небесахъ;
Какъ богъ-любви слетѣлъ въ лучахъ:
Все улыбнулося земное.
Но гдѣ Товій? гдѣ Эмма? — спятъ.
Ихъ сонъ глубокій не пробудитъ!
Шалашъ пустынный безпріютенъ,
Въ немъ вѣтры осени шумятъ.

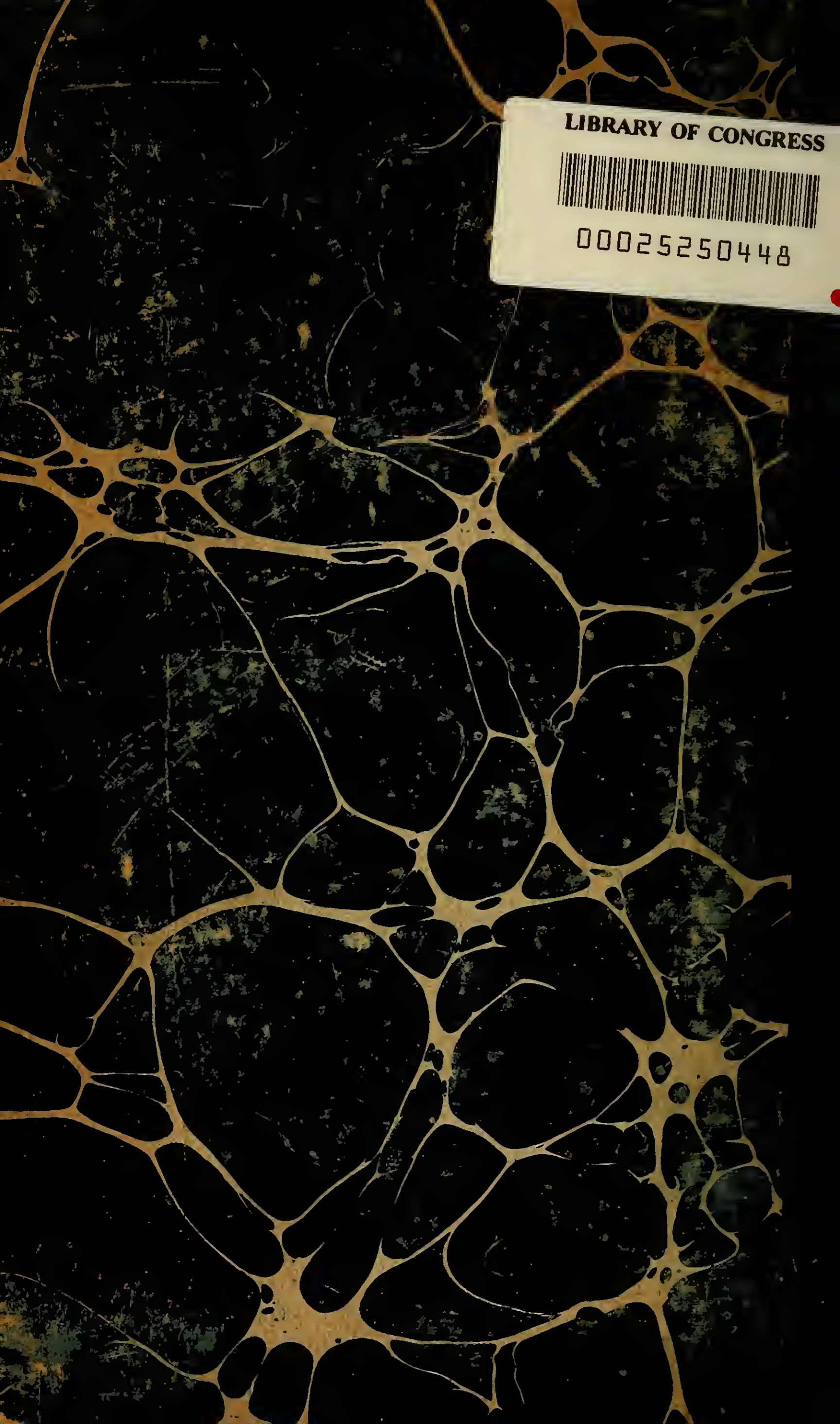
Надъ прахомъ — съ тусклыми очами
Въ издраномъ рубищѣ, съ цѣпями,
Стоитъ безумный — мрачно онъ

Ихъ мертвый наблюдаетъ сонъ.
Они преступны; — страшно мщенье!
Онъ въ ночь внезапно къ нимъ притёкъ,
Какъ хищный тигръ, какъ лютый рокъ.
Чуждалось сердца сожалѣнье.

Теперь — ихъ смерть, ему съ судьбой
Была завѣтомъ примиренья!
Печально взоръ его младой
Покоился на жертвахъ мщенья.
Порой, безумецъ воздыхалъ,
Порою „Эмма! онъ шепталъ:
«Ты спишь — а буря страшно воетъ!
«Ты спишь — чу! кто-то тяжко стонетъ!
«Проснись! — о, нѣтъ!..... спи милый другъ!“
И къ ней тревожный клонитъ слухъ,
Ей говоритъ, то вдругъ внимаетъ,
Дика улыбка, налегаетъ
На грудь бездушную слегка
Его дрожащая рука.
То вдругъ онъ вздрогнетъ, вдругъ нѣмѣетъ,
Какъ будто что-то онъ жалѣетъ,
Какъ будто вспомнилъ онъ душой
Бывалыхъ дней союзъ святой!
И надъ бездушными безгласный,
Стоитъ и блѣдный и ужасный,

На нихъ печально онъ глядитъ,
Грудь тяжко дышетъ, и слезою,
Изъ глазъ исторгнутой тоскою,
Онъ цѣпи хладныя кропитъ.
Такъ старецъ, грустною порою,
Уединенный, на гробахъ,
Склонивъ главу свою, въ мечтахъ,
Онъ молчаливою тоскою,
Какъ сирота, въ душѣ своей
Тревожитъ память милыхъ дней.

LIBRARY OF CONGRESS
00025250448